
Олег МОШНИКОВ

РАЗДУМЬЕ НАД КНИГОЙ

Дмитрию Ермакову

Отчину, род и жену почитай —
День отгоревший, дарованный Богом.
Книгу — в преддверии снов — почитай:
В ней говорится о том же, во многом...

Судеб рассыпанных опыт иной —
Многим не даст уподобиться твари:
Бросить в слепого снежок ледяной,
Словом ранимое сердце ударить.

Сила — не в долгом плетении фраз,
Деланных, громких, пустых изначально:
Полон раздумий короткий рассказ —
Сила в любви и межстрочном молчанье.

* * *

Сердечная рана — Россия,
Воюющий гордый Донбасс...
Пришел на равнину Мессия —
В непаханом поле погряз,
В пристрелянной роще багряной,
Очерченной мертвой рекой.

Россия — сердечная рана —
Горит и горит под рукой.

* * *

Пепельный занавес... Брэдбери прав:
Предугадать — позволительно гению.
Полный советской фантастики шкаф,
Пыльная классика — к уничтожению.

Олег Эдуардович Мошников родился в 1964 году в г. Петрозаводске. Окончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище. Служил заместителем командира военно-строительной роты, в государственной противопожарной службе МВД и МЧС России по Республике Карелия. Публиковался в журналах «Север», «Карелия», «День и ночь», «Урал», «Уральский следопыт», «Юность», «Наш современник», «Приокские зори», «Молоко», «Огни Кузбасса», «Мир Севера», «Менестрель», «Двина», «Сибирские огни», «ОБЖ», «Военные знания», ежемесячнике «День литературы» и еженедельнике «Литературная Россия». Автор четырех сборников стихов и трех книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в Петрозаводске.

Приговорен Достоевский — к огню,
Вслед за Лесковым — Ефремов и Горький
В новом районе раз восемь на дню
На БМВ подъезжают к помойке.

Что навороченный съел Интернет,
В мусор — вязанками — свалено просто...
Будут бесценны — за давностью лет —
Книги «живые», как первый «Апостол».

БЕССМЕРТНАЯ ВЫСОТА

*Бойцам 313-й стрелковой Уральской дивизии,
павшим при обороне Петрозаводска*

Раскоп, землянка вполнастила...
В масштабах фронта невелик
Рубеж — и бруствера хватило,
Где выложил поисковик

Противогаз, две каски, кружку,
Побитым гильзам несть числа...
Среди вещей смотрелись чуждо
Осколки винного стекла.

Потомки павших помянули?
А может, фляжку не донес
До губ, простреленную пулей,
Солдат — кто в землю эту вмерз?

Кто без вести пропал в подзоле —
Раскоп карельский даст ответ!
Ребята прятали мозоли:
Солдатских медальонов — нет...

* * *

В мурманских скверах — рябины стоят,
Гроздь — в зеленой листве — не горят:
Намертво взяты морозным огнем
Черные кисти — вчерашним днем —
Берегом кольским, на склонах Хибин...
К черту — Варшава, Нью-Йорк и Берлин!
Тянутся к нам — из донецких руин —
Тонкие ветви сгоревших рябин:
В скорби о тех, кто любил и любим,
Черные грозди — на вечный помин...

* * *

В круглых очках и шляпе,
Рядом — в лесочке ближнем,
В пестром осеннем крапе
Дня — узнаваем Пришвин.

Пришвин? Определенно!
В стежках болотин дрожких,
Справа — во мхах зеленых —
Горсть отыскал морошки.

Переложив корзинку,
Слева — сорвал волнушку.
Росную паутинку
Тронув, стальную дужку

Легких очков поправил.
Призрачный, иллюзорный...
Слева от тропки, справа —
Промельк блеснет озерный.

Под козырьком ладони
В стеклах заря займетя.
И проберется донный
Луч в кладовую солнца.